

**ПЕРВЫЙ
ИГРОК
АПОКАЛИПСИСА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНДРЕЙ ПРОХОДСКИЙ

Андрей Проходский

Первый Игрок Апокалипсиса

<https://litres.ru/74010121>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стас слеп, но, несмотря на потерю зрения, он никогда не сдавался и шел к своей цели, прокладывая путь трудом и потом.

Капсула виртуальной реальности, выигранная в лотерею, должна была подарить ему новую жизнь и шанс осуществить мечты.

Но вместо этого стала его тюрьмой и одновременно единственным шансом пережить конец света, пока снаружи сквозь прочный корпус ломится толпа хищных тварей, что когда-то были обычными людьми.

Но Стас нашел выход и сейчас, он всегда его находил, чтобы ни происходило. И он спасся, правда, как говорится, всегда есть нюанс. Теперь он заперт между реальностью, где заражённые рвут людей на части, и виртуальным миром, который сгенерировался с ошибками, но продолжает хранить в себе десятки тайн и секретов.

Отныне каждый полученный уровень — это не блажь, а лишь еще один шанс на выживание в этом безумном мире... В обоих безумных мирах.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Первый Игрок Апокалипсиса

Пролог

БУМ... БУМ... БУМ...

Глухие, ритмичные удары шли из-за преграды, но всё равно отдавались эхом прямо в моей голове. Казалось, вибрировал не только корпус капсулы, но и кости черепа. Эти давящие на разум звуки пробивались сквозь толщу композитной крышки капсулы виртуальной реальности — моего последнего убежища, моей «прелести» и как казалось мне ранее моего единственного билета хоть к какому-то будущему.

БУМ... БУМ... БУМ...

Снаружи по ней молотили безумные твари. Они сгрудились вокруг моего последнего в этом мире убежища, как стая голодных собак вокруг мусорного бака. И их было много. Я их не видел, но отчетливо слышал жалея что ко всему прочему не оглох ведь мои уши и кожа рассказывали мне куда больше, чем любая картинка.

В звуках ударов была тупая, животная настойчивость. Хлесткие влажные шлепки окровавленной плоти по композиту, скрежет голых костей о гладкий материал крышки,

хруст чего-то мягкого, перемалываемого в кашу под их ногами. Звук был настолько омерзительным, что казался почти осязаемым — вибрация прокатывалась по телу, заставляла внутренние органы дрожать в такт ударам.

БУМ... БУМ... БУМ...

Паника накрыла меня, как волна ледяного океана, — не яркая, а тяжёлая, вязкая, острая и одновременно слепая. Я попытался закричать, но горло сдавил болезненный спазм. В лёгких не осталось воздуха — будто весь его вытряхнули и заменили освободившееся место песком.

Я попытался дёрнуть хоть какой-нибудь частью тела, чтобы доказать напуганному разуму, что это реальность, а не очередной ночной кошмар. Пальцами, рукой, ногой — чем угодно. Но паралич был абсолютным. Будто я был уже окончательно мертв, а капсула виртуальной реальности была моим гробом. Но это было не так. К сожалению. Я был жив и лишь моё сознание, как маленькая испуганная птица, билось о прутья клетки неподдающегося контролю тела.

БУМ... БУМ... БУМ...

«Капсула». — слово вспыхнуло в черноте моего разума, как сигнальная ракета. Моё сокровище, моя тайна, мой единственный шанс выжить — стала моей тюрьмой. Я сам закатался в эту консервную банку, сам отрезал себя от мира, а теперь оказался запечатан внутри, без доступа к управлению.

И самое мерзкое — она была мертва. Ведь я не удосужился подключить ее к энергосети. Правильно, какой в этом

смысл, ведь до запуска проекта еще два месяца. Идиот, какой же я идиот.

Важно было другое: эти удары... это не виртуальная симуляция, не скриптованный ивент в игре. Они были снаружи. И они были реальны.

БУМ... БУМ... БУМ...

Утопающий в пучинах ужаса разум наполнился калейдоскопом несвязных образов. Вспышки воспоминаний, обрывки новостей, которые когда-то давно до меня пыталась донести Офелия. Всё это складывалось в чудовищную мозаику.

Вспышки необъяснимой агрессии. Слухи о новом штамме старого вируса, сначала где-то далеко, «у них», потом всё ближе «к нам». Странные ролики из соцсетей, где люди бросались друг на друга, кусались, рвали зубами плоть. Необычные действия финансовых гигантов, сворачивающих проекты и молча перегоняющих деньги в «тихий порт». Закрытие границ. Локдаун, который должен был быть временным. Потом — очередное ЧП в биологической лаборатории. И всё это я игнорировал, уходя глубже в свой подвал, прячась за задачами, схемами, железом.

Мои мысли на секунду стали настолько ясными, что даже затмили собой панику. Цепочка событий сложилась в одну простую, мерзкую но отчетливую фразу.

Апокалипсис случился.

Пока я отгородился от всего в своём углу, пока я возился с капсулой, отработками, батареями и запасами, мир снаружи

умер и возродился в виде этого кошмара. Твари, бьющие по корпусу, были его новой плотью.

БУМ... БУМ... БУМ...

«Питание. Нужно внешнее питание, идиот!» — мысль вспыхнула ярко и болезненно. — «Аварийный порт где-то снаружи, на корпусе. Там, где они».

Отчаяние сменилась ледящей, почти спокойной решимостью. Я не умру здесь, в этой консервной банке, даже не увидев... даже не «увидев» собственного убийцу. Я должен попытаться. Должен выбраться. Должен...

Глава 1

Сознание вернулось ударом, я дернулся, будто кто-то вломил мне в грудь кувалдой. Я не просто проснулся — меня словно выбросило из темноты в бетонную стену реальности. Сначала была только тяжесть собственного тела, придавившая к матрасу. Я не "видел" ничего — привычная, знакомая тьма. Зато чувствовал всё остальное.

Я несколько секунд просто лежал, вцепившись пальцами в край матраса, слушая своё собственное дыхание. Оно было рваным, судорожным, и каждый вздох давался с усилием, будто кто-то только что держал меня под водой.

Память подкинула последние кадры сна. Это был уже при-

вычный до боли образ того рокового дня. Последнее подбадривающее подмигивание отца, последняя улыбка матери, последний луч солнца, ослепивший меня сквозь лобовое стекло. Я скрипнул зубами, будто пытаюсь сжать ими сам кошмар, и в этот момент в голову вонзился новый звук.

Настойчивый, режущий слух рингтон разрубил остатки сна, как бензопила. Безумный кавер на «Токийского гуля» от японской певицы Ado, который я когда-то по дурацости поставил на контакт единственного человека, кто мне вообще мог позвонить.

— Выключи звук... — хрипло выдавил я.

Система голосового управления умным домом послушно щёлкнула где-то в тишине, и резкая мелодия оборвалась на полуслове, оставив после себя звенящую пустоту подвала.

— Активировать громкую связь, — добавил я, заставляя голос звучать ровно.

— Алло, Стасян! — голос Артёма ворвался в подвал, как прожектор в склеп. — Привет! С праздником тебя, братик родной от мамы другой!

От его бодрости захотелось зажмуриться ещё сильнее, хотя физически зажмуриваться мне уже было абсолютно незачем. Я провёл рукой сверху вниз по лицу, счищая крупные капли пота со лба, чувствуя под пальцами жёсткую щетину на щеках и подбородке.

— С каким ещё праздником? — спросил я, и искреннее

удивление наконец окончательно вытолкнуло остатки сна из головы. Разум щёлкнул, включился.

— Ну, Хэллоуин, ты что, забыл, что ли? — и эта фраза Артёма звучала почти оскорблённо. Если бы я знал его чуть хуже, то точно бы поверил в его очередную клоунаду.

— Ты же знаешь, что я эту хрень не праздную, — отрезал я, и раздражение потихоньку вытесняло липкий страх кошмара. — Лишняя трата времени и сил, которая мне вообще не упала.

— Вот ты душила, Стасян, как всегда, — фыркнул он. Я представил его рожу: самодовольную, усмехающуюся. — Ладно, потом поспорим, у меня времени мало. Слушай внимательно. У вас там экстренная ситуация.

После его слов я напрягся. Когда Артем говорил таким тоном, значило лишь одно. Он в этот момент абсолютно серьёзен.

— Конкретнее, — потребовал я, и голос сам стал кратким, командным.

— Наводи порядок в своём склепике, прячь свою «преlestь». К вам едет ревизор. Внеплановая проверка студентов перед новогодними сборами. — Он сделал короткую паузу, будто давая мне время понять сказанное. — Будут у тебя к десяти. Прячь запрещенку, иначе проблем не оберёшься. Я как только узнал от отца, сразу со свадьбы сестры сорвался, чтобы предупредить. Так что держу кулаки, братик. А еще хочу тебе похвастаться, я все-таки смог достать такую

же как у тебя капс... — на середине его фразы связь оборвалась, оставив в воздухе только короткое шипение динамика и моё собственное тяжёлое дыхание.

— Черт, местные вояки опять глушилку включили, походу — от досады я чуть не сплюнул на пол своего жилища. — Как же надоели эти траблы со связью в регионе. — попенял я на судьбу, не вставая с кровати, начиная привычный за годы набор упражнений, размышляя о том, что там сказал Артем, пока связь не накрылась медным тазом.

И тут в голове что-то щёлкнуло, подобно затвору. Мысли рванули вперёд, пересекаясь, сталкиваясь, превращаясь в нестройный поток: «ревизор», «проверка», «капсула», «подвал», «документы», «квоты», «вылетишь». Всё это завертелось в тугую вихрь.

— Так, который час? — выдохнул я в темноту, вцепившись руками в простыню.

— Девять часов сорок минут, — безразличный, синтезированный голос умных часов прозвучал как приговор.

Я на секунду завис. Потом до меня дошло.

— Чёрт, чёрт!.. — воздух выскочил из лёгких вместе со словом. — Двадцать минут... Я не успеваю!

Тело среагировало раньше мыслей. Я рывком поднялся с кровати, сбросил с себя мокрое, тяжёлое одеяло. Оно шлёпнулось на пол и тут же потерялось в темноте, но мне было не до него. Я привычным, отработанным годами движением опустил босые ноги на холодный, почти ледяной плиточный

пол.

Холод ударил в ступни, пробежался мурашками по коже. Я поёжился, окончательно просыпаясь, потянулся пальцами ног, нащупывая знакомую пару тапочек — но тут же вспомнил про время и просто оттолкнулся руками от матраса, резко вставая. Нет времени для привычных утренних ритуалов.

Я не видел комнату, но каждый сантиметр этого пространства был прописан в теле отдельной строкой кода. Первый шаг — чуть вперёд, пальцы правой руки тянутся к краю старого, потрёпанного канцелярского стола. Я провёл по нему ладонью, как по нити Ариадны, считывая знакомые шероховатости древесины, глубокие царапины от давно умершей техники. Ещё шаг — пальцы скользнули по отполированному временем участку, где лак стёрся до матовой основы.

Ещё шаг. Ладонь нащупала рваное отверстие от пули в столешнице — немое напоминание о прошлой жизни этого места, когда этот стол был не частью моего подвального интерьера, а безмолвным свидетелем страшных событий. Пулевое отверстие — это хороший маркер для того, кто, даже изучив свое временное пристанище наизусть, все равно продолжает передвигаться на ощупь. Отсюда — два шага до раковины.

Стол закончился, и я сделал аккуратный шаг вперёд, прислушиваясь к звуку капель. Капель — тонких, едва слышных, но знакомых. Смеситель в моей здешней раковине пропускал воду, и эта капель не прекращалась ни на секунду, со-

здавая постоянный поток серого шума здесь, в подземелье.

И вот пальцы наткнулись на прохладный пластик чехла с зубной щёткой на краю раковины. Я машинально подцепил его, почувствовал привычный вес — и тут же отложил в сторону. Не сейчас.

Вместо этого я резко повернул налево, сделал два коротких, выверенных шага. Кожа ладони встретилась с шершавой, холодной поверхностью стены. Пальцы пошли вверх-вниз, пока не нашли едва заметный выступ — начало узкого многоярусного стеллажа, набитого коробками, инструментами и всяким железным хламом, который я любил больше многих людей.

Движение по пыльной полке — и вот она. Холодная, ребристая поверхность маски. Магнитное крепление щёлкнуло пальцами, когда я стянул её с зарядного устройства. Металл отдался легким звоном звукового сигнала.

Я не видел собственное лицо уже давно, но мог прикинуть его контуры по ощущениям пальцев. Маска, наоборот, казалась знакомой, почти родной. Я поднёс её к голове, к тому месту где когда то были глаза, поймал нужный угол, и она словно сама легла на своё законное место. Магниты мягко, но неумолимо схватились за металлические площадки, вживлённые в кости черепа вокруг пустых глазниц.

Раздался новый, более громкий щелчок. Я инстинктивно вжал голову в плечи, весь сжался, ожидая...

Через долю секунды в мозг воткнули раскалённый сталь-

ной прут. Боль прошла череп, хлестнула по каждому позвонку, пробежалась током по нервам. На миг я выгнулся дугой, пальцы судорожно сжались.

Три секунды. Я считал их каждый раз. Одна. Вдохнуть не получается. Две. Зубы скрипят. Три. И вот наконец, попытка закончилась.

Я выдохнул, медленно, выталкивая воздух из груди, и позволил миру сложиться заново. Не как раньше — без красок, без привычных линий, но хоть как-то.

Сначала был хаос. Серый, шевелящийся снег помех залил всё поле зрения. По нему плясали зелёные и фиолетовые полосы, искривлённые, ломанные линии. Картинка дёргалась, дрожала, но я научился вычленять из неё полезное. Смутные, полупрозрачные контуры комнаты, пятна, силуэты, блики — мозг, дрессированный годами, цеплялся за каждую крошку информации и собирал из них карту мира.

Имплант, вкрученный в зону мозга, которая когда-то отвечала за зрение, наконец «схватил» сигнал. В глубине черепа щёлкнуло — и визуальный шум стал ровнее, понятнее. Я смог выдохнуть уже без шипения.

Первое, что прорисовалось более-менее узнаваемым пятном, — моя «прелесть»: массивная капсула виртуальной реальности. В сером снежном тумане она выглядела как чёрный, тяжёлый, неровный силуэт напротив кровати. Я заранее завалил её тряпьем и старыми коробками, чтобы скрыть форму от чужих глаз. Сейчас это импровизированное маски-

ровочное одеяло рисовалось беспорядочными углами и пятнами.

Сокровище, которое я скрывал от всего мира. Источник моих надежд на будущее и мои же главные страхи в настоящем, ведь эта вещь была не самой законной в нашей стране.

Я машинально отметил её положение, обвёл взглядом контуры комнаты — и сорвался с места. Времени просто не было.

Я рванул к двери, ведущей из моего «спальника» в операторскую. Помехи плясали, но я уже научился доверять не только им, но и памяти тела. Я проскочил через проём, не задев коробки, мимо молчащих, слепых мониторов, которые торчали вдоль стен, словно обиженные идолы.

Я выскочил в широкий коридор, который почти сразу проваливался в кромешную тьму. Маска показывала его как длинное серое горло, уходящее куда-то вперёд, с чёрными провалами по бокам — это были заколоченные досками проходы. Здесь когда-то были боксы и подсобки, теперь — только щели, сквозняки и эхо шагов.

Добежав до выхода, я упёрся руками в решётчатую дверь тамбура. Холодный металл приятно обжёг ладони, немного отрезвив. Я никогда по-настоящему её не закрывал — использовал как удобную вешалку для верхней одежды.

Сдернув с неё грубый, тёмно-синий, пахнущий пылью и машинным маслом, но все же чистый рабочий комбинезон, в который я буквально запрыгнул. В этот момент он был не

просто старой тряпкой, а почти скафандром — моим официальным «костюмом студента-практиканта», моим пропуском наверх. Торопливо застегнув молнию, дёрнул за край, чувствуя, как ткань стягивает грудь.

Я бросился туда, где хранилась обувь. И это была моя ошибка, фатальная ошибка.

— А-а-а, чёрт!.. — крик с губ сорвался сам собой.

Нога с размаху врезалась в тяжёлый металлический предмет. Глухой удар, звон, и через мгновение взрывная, острая боль пронзила мизинец, расплескалась по стопе и дальше вверх по ноге. Я стиснул зубы так, что еще чуть-чуть и они начнут крошиться.

Причиной моей боли оказался домкрат — та самая тупая железка, которую вчера притащил Петрович со словами: «Сынок. Если время будет, "посмотри" что с ним. А то скрепит странно, страшно под машину лезть». И естественно положил его возле входа, чтобы я его сразу нашел. А я ведь и нашел, да так, что чуть ногу не сломал.

— Да чтоб тебя, железяка поганая... — процедил я, отшвыривая домкрат ногой в сторону. Он с глухим грохотом врезался во что-то и затих.

Палец горел, пульсировал болью, но времени, чтобы посочувствовать себе, не было. Я почти на ощупь нашёл грубые, прочные ботинки, сунул в них ноги, даже не утруждаясь завязать шнурки. Толкнул массивную, скрипящую дверь подвала, с усилием отодвинул её в сторону — ржавые петли

жалобно взвыли.

Я выскочил на бетонную лестницу, ведущую наверх. Каждый шаг отдавался глухим стуком. Ещё одна дверь — уже деревянная, с облупившейся краской и знакомой, шершавой ручкой. Я толкнул её плечом и оказался в офисной части склада.

Здесь пахло по-другому. Старой бумагой, пластиком, картоном, смешанными запахами тонера и дешёвого растворимого кофе. Маска показывала кучу прямоугольников — стеллажи, столы, шкафы, — но я давно не полагался только на неё. По левую руку — узкий коридор, по правую — боковая дверь, ведущая прямо на улицу. К счастью, она была не заперта. Я всегда убеждал Петровича оставлять её открытой «на случай эвакуации».

«Хоть какая-то удача», — промелькнула мысль.

Я выскочил на улицу. Холодный осенний утренний воздух ударил в лицо, обжёг лёгкие после густой, влажной атмосферы подвала. Я на секунду замер, давая себе возможность почувствовать пространство.

Маска выдала мне набор серых пятен — здания, забор, пустота над головой. Где-то слева блеснул прямоугольник — крыша машины или окна. Я рванул в сторону КПП, ориентируясь и по памяти, и по грубому рисунку из помех.

И едва не влетел во что-то плотное и увесистое.

— Куда бежишь, сынок? Убегаешь аль кого догоняешь? — хриплый, прокуренный голос местного охранника Петро-

вича прозвучал спокойно и даже лениво.

Я почувствовал его ладонь на своём плече — тёплую, мо-золистую, тяжёлую. Он чуть развернул меня, как неторопли-вый буксир разворачивает торопливую лодку.

— Проверка, дядь Петь! — выдохнул я. — Приезжает. Я проспал.

— Проверка, говоришь... — протянул он, чуть сильнее сжав плечо, чтобы я перестал дёргаться. — Да вон же она, твоя проверка, на въезде.

Он кивнул куда-то вперёд, и маска подхватила направле-ние. Я сфокусировался. Вдалеке, у ворот, действительно сто-яли два вытянутых тёмных прямоугольника, явно микроав-тобусы. Вокруг них шевелилось несколько десятков смазан-ных, неясных силуэтов. Люди выходили из машин, ходили вокруг, собирались кучками. Картинка дрожала, но шум от них, который я смог расслышать, был вполне отчетливым ориентиром.

— Два чёрных автобуса, целая толпа народу, студенты, на-чальство... — перечислял лениво Петрович. — Ходят, сует-ятся, шумят, порядок тут нарушают. Пиджаки, млин.

Последнее слово он выдохнул с таким презрением, что мне даже стало немного легче. Пиджаки — это его персо-нальный враг, извечный. Он сплюнул в сторону.

— Ладно, дерзай, сынок, — буркнул он. — Выкручивайся с этой своей проверкой, а я пойду кофейку выпью.

Он отпустил моё плечо и неспешной, слегка шаркающей

походкой направился обратно к своей сторожке. Я остался стоять, всматриваясь в мерцающую, искажённую картинку, которая с грехом пополам рисовалась маской.

Да, два тёмных, вытянутых пятна микроавтобусов. И множество фигур, сливающихся в беспокойное, движущееся облако. Голоса, смех, возгласы — всё это смешивалось в один большой шум, от которого хотелось снова спрятаться под землю.

Я сделал глубокий, прерывистый вдох, пытаюсь унять дрожь в руках и выровнять бешеный ритм сердца. На выдохе заставил себя идти не рывком, а более-менее спокойно — настолько спокойно, насколько вообще способен идти человек, который вот-вот может лишиться всего.

Я двинулся к основной группе студентов, ориентируясь по гомону. Маска превращала каждого в полупрозрачную серую фигуру, без лиц, без деталей, как персонажей старой игры на минимальных настройках. Я слушал больше, чем «смотрел».

— Эй, смотрите, мы тут время тратим, а он уже в костюме! — донёсся до меня басовитый голос парня где-то впереди.

— Сегодня же Хэллоуин, да? — вкрадчиво протянул тонкий девичий голос.

Кто-то хихикнул. Моя маска тихо шуршала помехами, подбрасывая мне размытые силуэты. Люди были как пятна на тепловизоре, только вместо температуры я улавливал их по голосу, манере, тембру.

Я на секунду вспомнил первый день, когда меня сюда привезли. Тогда, вылезая из подвала в этом комбинезоне и маске, я напугал Петровича до икоты. Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и сказал:

«Ну ты и вырядился, парень. Прямо как тот выживальщик из старой игры, про убежище 101».

Я тогда не сразу въехал, о чём он, но позже, прочитав про Fallout, оценил шутку. Мой подвал в самом деле был для меня Убежищем. А комбинезон... был частью моего костюма выжившего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.